

ИДЕОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Выступление на советско-кубинской встрече (Москва, 10 декабря 1985 г.)

Тему этой конференции — «Идеология и литература» — следует, мне думается, понимать не в смысле участия литераторов в разработке тех или иных идеологических положений; это делается без нас. Здесь речь идет о поддержке средствами искусства определенной, уже существующей системы идей, которую мы разделяем. Идея мирного сосуществования является в их числе едва ли не главной.

Мне только хочется заметить, что проблема войны или мира в ее сегодняшнем состоянии — кроме одного аспекта, о котором я скажу ниже, — это уже не совсем «наша», писательская проблема; она столь гигантски важна, столь громадны задействованные в ней силы, что литератору как таковому попросту нечего здесь делать.

Не будем переоценивать ни свои возможности, ни вообще роль искусства в современном мире. Вопросы подобного планетарного масштаба решаются на иных уровнях, нам недоступных.

В самом деле — что, конкретно, мы можем? Вновь и вновь предупреждать людей о нависшей над ними опасности? — они и сами давно ее осознали. Или продолжать упражняться в вариациях на тему «хотят ли русские войны»? Откровенно говоря, мне такая постановка вопроса всегда казалась странной: как будто есть другие народы, которые войны хотят...

Войны никогда не хотел ни один цивилизованный народ — это аксиома школьного уровня. Сегодня войны не хочет даже ни одно правительство, каким бы реакционным оно ни было; я имею в виду — войны глобальной, с применением всего ядерного арсенала; региональные конфликты не в счет.

Более того — если заглянуть сегодня в душу любого из тех руководителей западного военно-промышленного комплекса, которые в жажде наживы подхлестывают эту безумную гонку вооружений, мы убедились бы — я уверен! — что и этот человек боится такой войны не менее, чем боимся ее мы с вами. Он не может не бояться хотя бы уже потому, что слишком хорошо знает, на что способна выпускаемая его фирмой дьявольская техника, и, будучи человеком трезво-мыслящим — а бизнесмены, как правило, мыслят весьма трезво, — вполне отдает себе отчет, что если техника эта начнет действовать за пределами испытательных полигонов, то во всей Америке не найдется убежища, где ему — при его миллионах — удалось бы благополучно отсидеться со своими детьми и внуками.

Третьей мировой войны не хочет никто. Однако — и в этом один из самых трагических парадоксов нашего времени — угроза войны продолжает оставаться реальной, потому что некоторые деловые круги и некоторые правительства, прекрасно понимая всю степень риска, идут на этот риск ради финансовой выгоды или политических амбиций. И если катастрофа все-таки разразится — это произойдет не по вине ошибки в компьютере, это произойдет по вине таких вполне человеческих качеств, как алчность и безответственность.

И вот тут перед нами встает нравственный аспект проблемы войны или мира, тот единственный ее аспект, в котором мы, писатели, действительно могли бы что-то сделать. Тут мы подходим к самому главному, и главное это для нас — работников культуры — сводится к тому печальному, но неоспоримому факту, что мы живем в больном обществе. Под словом «общество» я сейчас подразумеваю не совокупность граждан какой-то определенной страны, а все население того культурно-исторического ареала, который звался когда-то «христианским миром».

Болезнь очевидна настолько, что не замечать ее можно только если очень этого не хотеть, а проявляется она в бездуховности и обусловленном ею абсурдном понимании смысла жизни как непрерывной погони за сиюминутными и уже не доставляющими никакой радости удовольствиями.

В основе этой болезни лежит великое разочарование XX века. С каждым годом все более сомнительной представляется целесообразность дальнейшего развития науки и техники в том общем направлении, каким это развитие сегодня идет. В то же время все понимают, что остановить процесс уже невозможно — он стал практически неуправляем, словно вышедшая из-под контроля цепная реакция. Кроме того — и это, может быть, главное, — на наших глазах были осуществлены, проверены жизнью и оказались ошибочными почти все варианты социального переустройства, которые мы столь щедро унаследовали от двух предшествовавших столетий, вскормленных на философской концепции гуманизма.

Что считалось тогда самым важным, самым решающим? Накормить голодных; обеспечить им равные с богатыми права; открыть им путь к знанию, т.е. сделать образование равно доступным для всех слоев общества; и, наконец, заставить достижения техники служить человеку. Все были уверены, что в результате столь радикального изменения общественных условий не менее радикально изменится к лучшему и человеческое сознание, и вот тогда-то наконец наступит долгожданный золотой век.

Сегодня в любой промышленно-развитой стране Запада все это стало реальностью. Техники хоть отбавляй, все сыты, все грамотны, все — по крайней мере, теоретически — равны перед законом. Условия труда и быта шведского или американского рабочего таковы, что сто лет назад самый дерзкий утопист и мечтать не смел ни о чем подобном.

Но вот еще один парадокс: страны с наивысшим жизненным уровнем почему-то наименее благополучны по части социальной психогигиены, именно там больше всего самоубийств, наркомании, бессмысленной и изуверской преступности. Люди получили практически все чего желали, но не стали от этого ни добрее, ни счастливее. Более того — они уже не понимают, ради чего жить дальше. А когда нет цели, когда нет идеала, человек перестает быть человеком.

Мне могут возразить: все это так, духовный кризис Запада очевиден, но к нам-то он какое имеет отношение? Мы ведь другие!

Нет, мы не «другие». Мир, в котором мы живем сегодня, — это единый конгломерат множества сообщающихся систем. Местами это связь прямая, когда изменение в одной системе сразу же сказывается на соседних, местами сообщаемость имеет как бы капиллярный характер, и тогда усреднение параметров в разных системах осуществляется медленно, почти незаметно для наблюдателя. Но оно все равно осуществляется — неизбежно и необратимо, как энтропия.

Поэтому не надо успокаивать себя тем, что «нас это не касается». Нас касается — и на нас сказывается — все, что происходит на этой планете. Прежде всего я имею в виду изменения ее духовного климата.

В развивающихся странах III мира та проблема, о которой я говорил выше, — проблема отсутствия идеала — стоит пока не так остро. Там еще есть цели, ради которых стоит жить: это, в одних случаях, задача достижения национальной независимости, в других — борьба за независимость экономическую, за решение социальных проблем, унаследованных от колониального прошлого. Возможно, этих целей хватит еще на одно-два поколения; а потом?

Тейяр де Шарден обогатил наше представление о мире понятием «ноосферы», своего рода резервуара, накопителя энергии человеческого духа и человеческой мысли. Сегодня ноосфера Земли отравлена страхом и взаимным недоверием. Имея к своим услугам глобальную сеть средств информации, включая спутники связи, — мы поразительно мало знаем друг о друге, трагически друг друга не понимаем. Это не главный фактор международной напряженности, но и недооценивать его не следует. Именно в этой области литература могла бы что-то сделать, внося реальный вклад в дело укрепления взаимопонимания между народами — этого самого надежного фундамента мира.

К сожалению, опыт писательских контактов между нашими странами и странами капиталистическими показывает, что мы не только слишком по-разному представляем себе возможные решения той или иной проблемы, но подчас даже не можем одинаково ясно увидеть эту проблему, не можем прийти к согласию в отправном пункте: существует ли данная проблема вообще, или ее выдумали досужие умы?

Мы, например, долгое время не разделяли тревоги западных интеллектуалов по поводу некоторых острейших вопросов современности — демографического взрыва, нарушения экологии планеты и т. п. Хищническое насилие над природой, утверждали мы, имеет место лишь в мире капитала, а разговоры о «перенаселении» представляют собой отголосок реакционного мальтузианства...

О каком же взаимопонимании между народами можно говорить, если даже профессиональные писатели — полномочные представители своих культур — не способны прийти к единому мнению по поводу самого наличия той или иной проблемы глобального масштаба?

Я подчеркиваю: речь идет лишь о признании проблемы, не о путях ее решения. Естественно, что на Кубе или в Советском Союзе мы будем решать их не так, как решают в Штатах или во Франции. Но решать все равно придется — и там, и здесь.

Не знаю, в какой мере литература сумеет этому способствовать, окажемся ли мы на высоте задачи, которую ставит перед нами время. Но попытаемся хотя бы понять эту задачу, рассмотреть исходные данные — и прежде всего трезво, без самообмана увидеть наконец мир, где все духовные проблемы сведены, по сути дела, к одной: это проблема отсутствия идеала, это отчаяние обманутого человечества, которому наша роботизированная цивилизация не способна уже дать ничего, кроме опустошающего душу материального изобилия.

Вернуть людям смысл жизни — эта проблема не менее грандиозна по своим масштабам и значению, чем проблема войны или мира. Но, в отличие от второй, это действительно «наша» проблема, она лежит в области духовной культуры и поэтому никому, кроме нас, ее не решить.

Было бы наивно рассчитывать, что это удастся сделать при жизни одного поколения — даже если бы все писатели мира решили вдруг заняться только этим. Но с чего-то надо начинать уже сегодня. Потому что если проблема войны грозит человечеству мгновенной физической смертью, то эта угрожает медленным отмиранием духа.

В конечном счете неизвестно, что страшнее.